

Дмитрий Вошинин

Зарисовки
на
Запотевшем стекле

Антоний Воинович

Зарисовки
на
запотевшем
стебле

189 стр.

ISBN 978-80-87940-06-8

СОДЕРЖАНИЕ

Портрет

Купола

Купола

Праздник Пасхи

Кока

Новая жизнь

Отец

Спасский монастырь

Брат Леня

Праздник Успения Пресвятой Богородицы

Эпилог

Северная прелюдия

Алжирский ноктюрн

ПОРТРЕТ

*«Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста! ...
Так идут державным шагом,
Позади голодный пес. ...
В белом венчике из роз,
Впереди – Иисус Христос»
Александр Блок*

Привычным движением Валентин Александрович укрепляет подрамник с холстом на мольберте, берет в руку уголь и мысленно представляет возможные варианты композиции портрета. По его просьбе Николай Александрович проходится по кабинету, делает несколько поворотов головы, садиться в кресло.

- Все-таки стоя, - утвердительно заключает Валентин Александрович.

Николай Александрович покорно встает, отходит назад, поворачивается и теперь смотрит на Валентина Александровича своим загадочно-приятным и сдержанным взглядом.

Художник и заказчик портрета - почти ровесники и по характеру очень похожи. Они знают друг о друге, но вот так, воочию, видятся впервые.

Валентин Александрович известный художник, много и не без успеха работает, уже имеет немало талантливых учеников, но всегда скромно, независим, совершенно чужд меркантильности и своей славы. В шумных компаниях богемы предпочитает больше слушать и от этого иногда кажется застенчивым. Одни говорят о нем - «Молчальник», другие - «Трудыга».

Николай Александрович, будучи высокообразованным человеком и являясь первым лицом государства, всегда остается очень деликатным, сдержанным, немногословным, говорит обычно тихо, как бы внутренне отвергая насилие и, если этого не требуют обстоятельства, старается не навязывать своего мнения.

Через несколько минут работы Валентин Александрович, недовольный первым наброском, кладет на холст картон и размашисто продолжает делать зарисовку. Размеры портрета, одежда и строгий стиль исполнения оговорены заранее. Художник в данную минуту с сожалением думает об этом. Он старается найти точку свободы и гармонии

«натуры», которые бы сливались в композиции как можно достовернее. Но все сейчас невыносимо сковывает: шотландский мундир с вычурными клиновыми сборками, необычные для русского глаза, напоминающие рюшки погоны, узковатые брюки, которые явно не соотносятся со строгим стилем портрета. Для сглаживания этих деталей художник про себя отмечает необходимость увеличения гаммы темных тонов: яркие краски обманчивы и мешают выразительности. Несмотря на сосредоточенный поиск, лицо Валентина Александровича все это время остается внешне спокойным и уверенным.

Николай Александрович с любопытством рассматривает художника. Плотный низкого роста блондин, одетый скромно, будто с чужого плеча, сутуловатый, кряжистый крепыш, большая голова крепко прикреплена к ровным плечам, лицо с крупным носом. Колючий и немного резкий взгляд. За кажущимся безразличием глаз скрывается глубокая внутренняя работа. Он чувствует творческое напряжение художника и что он чем-то недоволен.

Когда жена попросила заказать портрет, Николай Александрович сам выбрал художника. Он слышал о его бескорыстии, независимости, смелости в поиске образов и неординарной способности выражения, внешне скрытых черт характера. Многие даже побаивались его творческой пронизательности. Видимо поэтому и он не всегда соглашался выполнять портреты, несмотря на весьма выгодные предложения.

И вот теперь Николай Александрович видит художника в работе. Уже с первых минут общения он ощущает приятное чувство восхищения этим необычным и, как ему кажется, очень чистым и искренним человеком. Он любит находиться в обществе таких людей, и это бывает далеко не часто. Он не испытывает ни малейшего напряжения позы. Ему нравится эта сдержанность, внутренняя напористость и даже этот колючий взгляд.

Давая согласие на выполнение портрета, Валентин Александрович не был очень обрадован заказом. Скорее отказ казался ему вызывающе неудобным. Его всегда привлекала неординарность, а в данном случае он мало знал достоверного об этом человеке. Слухам же и сплетням не доверял. Но, начав работу, Валентин Александрович даже ощущает положительный импульс поиска и вдохновения: ему импонирует выражение лица государя, его открытый взгляд, деликатная сдержанность, мягкая походка. Он ищет, и пока не находит желанную композицию.

Как всегда в таких случаях этот поиск настойчиво требует понимания внутренних ощущений «натуры»: как воспринял пробуждение, о чем думал за завтраком, с кем говорил перед сеансом, о чем, наконец, размышляет в данный момент.

Николай Александрович, как бы проникаясь мыслями художника, решает заговорить:

- Я понимаю, что мое предложение было несколько неожиданно для вас.

Не прерывая работы, Валентин Александрович ожившим взглядом и небольшим наклоном головы, как бы произносит: «Пожалуй!» И тут же добавляет:

- Но мои портреты, Ваше Величество, не совсем соответствуют придворным нравам и могут вовсе не понравиться.

- Вы очень точно употребили слово «нравы» ... Откровенность сейчас - редкое качество ... По-правде, эти придворные нравы мне тоже не по вкусу... Можете быть со мной раскованным...

Художник опять жестом дает понять, что он вовсе не собирается зажиматься.

После непродолжительного молчания Николай Александрович сам пытается раскрыться:

- Обо мне много ходит всяких слухов, но поверьте, каждое мнение - это, прежде всего, сопоставление своего собственного внутреннего рассудка... Что касается меня, ...я хочу быть просто честным христианином...

После непродолжительной паузы он продолжает:

- Скажу прямо, наш двор, в том числе моя мать, считает, что я не достоин своего положения из-за того, что слишком мало делаю для укрепления власти... Она все время напоминает мне фразу одного из первых средневековых теоретиков власти: «Правитель должен удерживать власть всеми способами, невзирая на нормы христианской морали».

Художник молча продолжает делать штрихи, внимательно смотря в глаза государя.

- Вы, я знаю, много пишете пейзажей и портретов в пленере, как сейчас говорят ... Ваша знаменитая «Девочка с персиками» прекрасна... И мне нравятся «Дети» на берегу финского залива... Уж не ваши ли это дети?

У художника так же, как и у государя, в это время уже трое детей.

- Да, это Саша и Юра.

- Дети ближе к Богу, чем мы... взрослые... А окружающая природа помогает проникнуть в душу... Да и сама природа - это совершенство Божие.

- Она - как музыка, Ваше Величество, ...Моцарт – просто живая вода!
- не удерживается Валентин Александрович. Он унаследовал интерес к музыке от отца, профессионального музыканта.

Удовлетворенный ответом Николай Александрович каким-то внутренним чувством радостно ощущает перед собой чистую душу, перед которой ему хочется открываться:

- Да, в истинной музыке дух божества... А в человеке пока совершенства нет... Бог создал его, но не объяснил разницу добра и зла... Отсюда все наши беды и заблуждения...

Через некоторое время Николай Александрович продолжает свою мысль:

- Знаете, Валентин Александрович, я пришел к выводу, что ничто нельзя трогать грязными руками и вообще меньше вторгаться в то, что уже создано... Как сейчас говорят, революционировать жизнь... Это только кажется, что она будет от этого лучше... Пока власть не способна обеспечить благосостояние всем... И власть предержащие его получают за счет угнетения других... Это же не справедливо и не по-христиански!...

Взглянув в глаза художника, Николай Александрович понимает, что собеседник внимательно вслушивается в каждое его слово:

- Я, например, хочу позволить народу участвовать в управлении государством, но моя матушка и брат категорически против... Даже слышать не хотят... Говорят, что это будет равносильно разрушению империи...

После небольшой паузы он задает риторический вопрос:

- А вы знаете любимую фразу Фридриха Великого?

Художник вопросительно смотрит на государя, продолжая свою работу.

- Дипломатия без оружия подобна музыке, без инструментов...

По лицу Валентина Александровича скользит улыбка. Государь продолжает:

- Матушка мне все твердит, что большой почитатель Фридриха - Павел I пренебрег этой важной мыслью.

Николай Александрович в раздумье смотрит в сторону, как бы наедине сам с собой.

- Я чувствую, что мне уготованы жестокие испытания... Одновременно понимаю, что все от Бога... Хочется объяснения... Грешно, но... иногда влечет к пониманию сверхъестественного... Вы были, Валентин Александрович, на спиритических сеансах?

- Нет, не приходилось, Ваше Величество.

- Вы знаете, производит впечатление... Хотя скорее приносит беспокойство и вызывает больше вопросов...

Эта свобода общения, спокойствие, размышления Николая Александровича сейчас открывают художнику едва заметную противоречивость характера государя. С каждой его фразой открывается человек, ушедший, возможно, далеко вперед в своих воззрениях. Мысли его кажутся чистыми, открытыми и близкими. К сожалению, от всего этого, строгая композиция рушится на глазах, и портрет остается безликим. Не оставляя надежды на сегодняшний успех, Валентин Александрович надеется более плодотворно поработать дома и прийти во второй раз с каким-то решением.

- Ваше величество, я полагаю на сегодня достаточно. Да и вы, наверно, устали с непривычки.

- Нисколько, Валентин Александрович... Но... как вам угодно, - доброжелательно соглашается государь.

- Тогда до встречи на следующей неделе... Ну скажем, во вторник, как сегодня, в 10 утра?

- Хорошо!... До встречи...

На следующем сеансе Николай Александрович встречает художника стоя почти в той же позе, которую оставил несколько дней назад. Валентин Александрович тут же понимает, что государь ждал этой встречи, ждал очередного общения с ним.

Хотя решения по композиции портрета не найдено, художник тоже пришел на второй сеанс в хорошем настроении и с желанием работать. Совершенно неожиданно для самого себя он вдруг улыбается и говорит государю о произошедшем случае с ним накануне.

- Иду намеренно домой. Вдруг вижу интересное русское лицо: мужик яркий такой, лет сорока, уверенный «бычий» взгляд, рыжие густые волосы, нос орлиный... Остановил его и говорю: «Пойдешь ко мне в натурщи?»

- Отчего, барин, не пойти, коли заплатишь хорошо, - отвечает.
- Обрадовался я: «Экий ты молодец!»
- Я... что... Вот у коня под животом настоящий молодец!
- Каков, шельма! Ваше величество... Все тут при нем: не прибавить, не отнять...

- Да,... русский мужик иногда скажет так,... что ни от одного мудреца не услышишь...

- Неужели, Государь, вам известен русский мужик?

- Я молюсь за него... Хотя лукав, но... многогранен и интересен... В нем есть что-то от Христа... Терпение прежде всего... Он ведь взял на себя тяготы холопства при Иване Грозном, невероятное напряжение строительства и продолжительных войн при Петре, только Екатерина Великая начала думать о нем, как о человеке... Он как-то по своему понимает жестокость... Видимо, через истинную справедливость ... И при этом крепости ему не занимать... А главное - самодостаточен... Сколько в нем прозорливости... ясновидения...

- Такого о мужике, Ваше Величество, я никогда не слышал.

Николай Александрович это по вкусу:

- Я полагаю, что именно из простого русского народа появится светоч новой философии, который глубоко осмыслит жизнь и отбросит все мелкое... Помните у Достоевского: «Россия сама спасется и весь мир спасет».

Художник молчит, не возражая.

- Валентин Александрович, скажите по-правде, много ли вы писали мужиков?

- Каюсь, ваше величество, серьезно до него не добрался... После Сурикова, Перова и Репина... даже боязно.

- ...Мужик под силу не каждому... Но... у вас все впереди... Я грешным делом увлекаюсь фотографией и в тайне от моей семьи люблю делать портреты простолюдинов...

После небольшой паузы Николай Александрович продолжает:

- Мы, русские, не видим всего того хорошего, что рядом. Все хотим быть похожими на Запад, а ведь культура западная - захватническая... Вот Византия, основанная на уважении к труду и самопожертвовании ради общественного развития... Так она же тем Западом и уничтожена... Не видим мы мелочности интересов этого самого Запада... Там только с виду все красиво и привлекательно, а внутри ... А когда мы им

уподобляемся... становимся рабами.

Через минуту Николай Александрович в раздумье добавляет:

- Примечательны размышления и наблюдения за иностранцами Ивана Александровича Гончарова в романе «Фрегат Паллада»... Сколько юмора и знания жизни...

- При всем согласии с этим романом о кругосветном путешествии, я, Ваше Величество, как-то легко и свободно себя чувствую в Париже... Риме. С интересом приглядываюсь к новым художественным формам, самобытным художникам...

- По-моему, ничто так быстро не устаревает, как новые формы... Радость туземца к клочку цветной материи тоже олицетворяет интерес к красоте.

Валентин Александрович искренне удивлен этой реакцией, для него художественная форма - часть профессии:

- Пустоту не скроешь никакой формой и стилем... А новые формы, Государь, в том смысле, что быстро меняющаяся жизнь приносит новые чувства. В этом своя свобода... обновление.

- Интересная мысль!... Здесь я, пожалуй, не в праве вам возражать... А что касается свободы,... вопрос это не простой... Только тогда начинаешь понимать цену свободы, когда у тебя уйма власти... Это как запретное яблоко на Древе Жизни...

Художник вопросительно поднимает глаза.

- Как это ни странно звучит, но только узник понимает цену свободы и знает, за что страдает... Чувство же воображаемой несвободы каждый человек понимает по-своему: одним ненавистны оковы власти конкретных вышестоящих людей, другим консервативные устои, порядки или законы. Это, как в семье: главный кажется угнетателем, а убери его – все развалится. Он не только доминирует, но и помогает и защищает. Если его не понимают, то такой устой долго не продержится... Нам не дано проникнуть в душу каждого и человек далеко не ангел,... а посему у такого рода свободы есть оборотная сторона - она освобождает и порок.

- Несвобода даже в мыслях всегда угнетает, Ваше Величество...

Николая Александровича понимали не часто и, как правило, только тогда, когда он был готов соглашаться с навязываемыми ему чужими мыслями. Искренность же требовала особого понимания.

- По-вашему, свобода независима от времени и условий... А мне ка-

жется, глубокое понимание этой самой свободы зависит ...от состояния внутренней гармонии человека.

Почувствовав, что выразился слишком пространно, государь поясняет:

- Мне постоянно подаются прошения и часто спрашивают: «Будет ли освобождение евреев в России?»...Но ведь ответ очевиден. Неужели люди не понимают сами?

Валентин Александрович внимательно вопросительно смотрит на государя. Среди художников евреев было не так много, но были среди них друзья, знакомые.

- Да, ваше величество, об этом часто можно услышать в божественных кругах.

- Ну, то, что этот вопрос зудит в божественных кругах, ...мне понятно.

Николай Александрович, повернув голову, смотрит в окно и продолжает:

- А почему простые русские мужики не просят так настойчиво подобного?... Видимо, понимают, что не пришло время... Эти несвободы для еврейского населения или скорее ограничения оседлости ввела Екатерина Великая... Вы знаете, Валентин Александрович, что это за ограничения?

- Конкретно... не знаю.

- Они не строгие: - не допускать к власти, не селить без разрешения в крупных городах, освободить от службы в армии, но на этом они сами настаивали... Вот практически все.

- Не так много.

- Даже очень немного... Терпеть – то они не хотят, как русский мужик... Потому как иудейская вера не признает жертвы Христа... Екатерина была очень мудра... Эти ограничения совпадают с наставлениями Моисея... Она верила, что страданиям русского простого народа наступит конец, и он с его способностями станет обогащаться...Они, по крайней мере, этого достойны!...Именно эти наши православные русские мужики, которые защищают, кормят страну, сеют и пахут, наконец!...

- Но, ваше величество, из числа еврейской национальности люди весьма интересные и производят благоприятное впечатление.

- Это так..., улыбается государь, - Мне не хочется так думать о всех людях этой национальности, но вот к примеру, один еврей-ювелир до-

ставляет Александре Федоровне бриллианты... почти в два раза дешевле, чем в петербургских магазинах... и моя жена, как человек практичный, ему, естественно, благоволит... Но мне-то докладывают, что это благородство оплачивается богачами диаспоры... Известны мне и цели всего этого.

- Несмотря ни на что, Ваше Величество, все граждане страны должны быть равноправны.

- Я согласен, что это должно произойти, ...но не сейчас.

- Вы твердо так думаете, Государь?

Николай Александрович молча продолжает смотреть в окно, будто не слышит. Этот вопрос предмет больших споров с матушкой и братом. После паузы он поворачивает лицо к художнику и тихо произносит:

- Крестьяне безграмотны и мало развиты... Когда русский мужик будет образован и жить в достатке, как евреи, то они, конечно, получат равные права со всеми жителями России.

Ответ производит на Валентина Александровича впечатление.

В глазах государя художник улавливает глубокое внутреннее переживание, и какие-то только ему доступные мысли. Николай Александрович делается молчаливым и через некоторое время тихо, как бы про себя произносит из Евангелия (от Луки):

- «Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали...»

Художник с интересом слушает государя, но не забывает о работе. Композиция портрета и характер «натуры» по-прежнему не находят общего.

И он, как и в прошлый раз, предлагает закончить сеанс.

На третьем сеансе Валентин Александрович решается открыться:

- Ваше Величество, к сожалению, портрет, который вы заказали, никак не выходит.

- Вы пишете меня, Валентин Александрович, и я с интересом и даже с восхищением наблюдаю за вами. Не считите это за лукавство, но все-таки хотелось бы знать – почему вы считаете вашу работу неудачной? Вас же считают первым портретистом в России.

- Поверьте, ваше величество, таким, как я вас вижу - изобразить в этих рамках не могу.

- Что же вам мешает?

- Ваше Величество, этот официальный костюм. По крайней мере, вы

на этом портрете...не русский император.

- Возможно, вы правы, Валентин Александрович...

- Так иногда случается у художников, Ваше Величество.

- Что же мы скажем Александре Федоровне? Ведь идея этого костюма и этого портрета принадлежит ей.

- Я этого не знал.

- Вы не будете возражать, если мы пригласим ее на сеанс.

- Извольте, ваше величество,- слегка напряженно произносит художник.

Николай Александрович спокойно поднимает трубку телефона.

- Дорогая, как вы себя чувствуете?... Не могли бы вы зайти в мой верхний кабинет?... Я познакомлю вас с Валентином Александровичем... Спасибо, мы ждем.

Кабинет, где работает художник, находится в верхних этажах дворца, куда из внутренних покоев императрицы надо подниматься по крутой железной лестнице, что весьма не просто. Но интерес к работе над портретом, «как дело идет», Александру Федоровну, несомненно, привлекает. Она в свое время проявляла интерес к живописи и брала уроки рисования у немецкого художника Каульбаха.

Войдя в кабинет, императрица сухо здоровается, обводит взором портрет и неожиданно для Валентина Александровича говорит с небольшим акцентом:

- Надо ярче мундир и лицо строже.

Видно, что художника эти замечания коробят, но он старается оставаться невозмутимым.

Николай Александрович улыбается. Валентин Александрович молча отворачивается от полотна, подчеркивая, что он вовсе не придворный художник.

Понимая, что ее замечания остались без внимания, императрица прощается и уходит.

Уход императрицы погружает кабинет в молчание. Пытаясь сгладить замешательство и продолжить налаженный контакт, Валентин Александрович произносит:

- Я, конечно, постараюсь закончить этот портрет... даже выдержу просьбы Ее Величества, но мне он все равно не нравится.

- Вы полагаете?

- Мне бы хотелось сделать второй ваш портрет, немного поменьше по

размеру... Именно для вашей жены.

- Интересное предложение.

- Мне кажется, Ваше Величество, этот второй портрет поможет ей ... вас глубже понять.

- Вы так думаете?

- Осмелюсь заметить, что Александра Федоровна, как многие женщины, очень категорична... Она, видимо, не представляет, что художник отдает своей картине душу...

- Я вас прекрасно понимаю, Валентин Александрович.

- Ведь если не услышишь что-то сверху... картина будет пуста...

- Это вы прекрасно сказали... В творчестве должно быть что-то божественное...

- Помните, Ваше Величество, я уже говорил, что картину делают чувства,...а это всегда что-то новое...

- Да, я согласен...в некоторых картинах настолько яркие чувства, что видится даже... невообразимое... Меня поразил у Третьякова «Демон»... Это, кажется, художник Врубель?

- Да, Ваше Величество. Мы вместе начинали учиться живописи. Художник это от бога.

- Я слышал, что он и скульптор оригинальный?...

- Оригинален во всем, ваше величество... Крупные мазки, немного небрежно, неясно, а в целом полная гамма оттенков чувств...

- Да, ...неповторимая красота...

- У нас, как вы правильно заметили, все больше на слуху западные импрессионисты: Матисс, Моне, Ренуар, а Врубель, пожалуй, посильней.

- Вот видите...

- Только яркие чувства сжигают здоровье этого художника.

- А что он болен?

- Одолевают нервные приступы...Видимо, частое проявление чувств...тоже не просто.

После непродолжительного молчания Валентин Александрович произносит:

- Я думал, что у нас сегодня последний сеанс, но если вы согласитесь на второй портрет, который я буду использовать в качестве этюда, ... будем продолжать.

- Я согласен... Вы сказали, что этот меньший портрет будет написан

для Александры Федоровны?

- Я буду стараться, чтобы он понравился вашей супруге.

- Надеюсь на вашу проницательность,...хотя немного прямолинейный характер Александры Федоровны вам не пришелся... по душе...

- Ваше величество, мне приходилось знать и писать многих женщин... Наши мужские души слишком грубы, чтобы понять эти тонкие, нежные создания и в тоже время они могут быть всякими.

- На самом деле в женщине намного больше любви...и они мудрее по жизни... и достойны большей власти над нами...

- Нам, Ваше Величество, трудно их понять, и что они в большей степени любят в нас.

- Да,... это загадка... Они могут возвысить или погубить, причем совершенно не осознавая этого... А что вам кажется, как художнику, на этот счет?

- Мой глаз подсказывает, что они больше всего любят состояние мужского восхищения собственной красотой... И обожают эту власть... А если пойти еще глубже... они обожают власть и в нас в ее любых проявлениях...

- Это интересно...Они мудрее во власти... Ведь недаром Екатерину величают Великою.

- По-моему, ваше величество, Екатерина скорее исключение...Она любила и воспитывала сильных мужчин, которые помогали ей оставаться истинной женщиной в реализации власти. А женское начало, действительно, более стойкое и уверенное в жизни...

Николай Александрович уловил упрек и, видимо, внутренне с ним согласился. Художнику от этих слов остается лишь невинная улыбка.

Именно с этой улыбкой Николай Александрович заканчивает сеанс, снимает шотландский китель и накидывает на себя легкую тужурку Преображенского полка, садится в раздумье с едва заметной грустью за стол и кладет на него руки.

Молниеносно в этом жесте государя Валентин Александрович ловит все то настоящее, что так долго искал. Он быстро берет в руки карандаш и легким росчерком набрасывает на бумаге этот целостный облик с сомкнутыми руками и необыкновенным взглядом царя. Долгий кропотливый поиск не пропал даром: портрет вобрал в себя черты предельной гармонии.

На следующем сеансе Валентин Александрович приходит с новым

небольшим полотном и по рисунку маслом быстро пишет небольшой портрет императора в тужурке.

Написанный удивительно легкой и свободной кистью, маленький портрет царю очень нравится. Валентину Александровичу он тоже импонирует. По проявлению чувств он сильный и насыщенный. Несомненно, этот этюд можно считать отдельной работой.

Поскольку царица иногда заходит в мастерскую и пытается давать советы по ходу исполнения «дела», художник получает согласие государя не показывать его Александре Федоровне до поры до времени, как бы готовя сюрприз императрице.

Доброжелательная атмосфера на сеансах продолжается и раскрепощает обоих. Николай Александрович чувствует, что художник уже не так критичен к строгому заказному портрету, и с интересом спрашивает:

- А каково все-таки отношение к главному портрету... Вы же поставите свое имя под ним?

- Среди классических портретов хотелось бы быть ближе к Карлу Брюллову.

Произведя несколько мазков, Валентин Александрович с улыбкой добавляет:

- Если бы, ваше величество, он был жив, только он бы сделал все так, как желает Александра Федоровна.

- Брюллов, действительно, велик и привлекает своей яркостью...

- У него необыкновенно живые краски... просто зависть берет.

- А что же у вас?

- Мои серы или коричневые, государь, как сапоги, - Внося последние детали в портрет, шутит художник.

Оба доброжелательно глядят друг на друга.

И вот уже закончен основной портрет Николая II в форме полковника шотландских Серых Драгун, но сеансы продолжают. Александра Федоровна, всерьез заинтересовавшись этим обстоятельством, поднимается в верхний кабинет, когда ее совсем не ждали.

Мужчины чувствуют себя застигнутыми врасплох. В этот момент Валентин Александрович наносил последний мазок на маленький портрет государя.

Императрица с целью разрядить неудобство появления доброжелательно произносит:

- Хорош шотландский портрет.

- А по-моему плох... Вот посмотрите, какой прекрасный портрет мы написали для вас, - показывая на маленький портрет, произносит художник.

Александра Федоровна подходит к портрету ближе, внимательно смотрит, молчит и, наконец, произносит:

- Вы нарисовали то, что губит. Он здесь в мире каких-то своих фантазий... Ник, пожалуйста, посмотри на меня.

Она берет из ящика с красками кисть и обращается к художнику:

- Прежде всего, уберите руки, зачем они здесь,... взгляд слишком усталый,... давайте поднимем выше брови и взгляд в сторону...

При всем спокойствии Валентина Александровича кровь ударяет ему в лицо:

- Так вы, государыня, лучше сами уж и пишите,... а я... готов отказаться от авторства...

Валентин Александрович кладет в руки Александры Федоровны палитру, как бы предлагая сделать поправки, и жестом показывает, что собственно он теперь не причем.

Николай Александрович по-детски смеется, что крайне возмущает императрицу, которая была уже готова топнуть ногой, но, спохватившись, недовольная сценой твердым шагом резко удаляется из мастерской. Николай Александрович быстро выходит следом за ней, но вскоре возвращается и закуривает. Ему были бы приятны извинения от художника в отношении императрицы, но он понимает Валентина Александровича и воздерживается от замечаний.

Валентин Александрович в силу своего характера не видит оснований для каких либо извинений. Он уверен, что скорее благоволил и даже сочувствовал государю. Художник быстро запаковывает малый портрет, чтобы унести с собой и вставить в раму.

Несмотря ни на что, прощаясь, онижимают друг другу руки, как друзья.

Николай II с 1894 года является покровителем шотландских Серых Драгун и его законченный портрет кисти Валентина Серова в форме полковника Royal Scots Greys, в качестве дара был отправлен в Великобританию в штаб полка и помещен в Эдинбургский замок, где он находится по сей день и остается воинской святыней. Этот портрет закрыт

для публичных показов и не упоминается ни в одном из художественных каталогов.

Меньший портрет государя в тужурке Преображенского полка был поставлен в покоях императрицы, и в октябре 17-го года во время захвата зимнего дворца толпа матросов уничтожила полотно, оставив на месте глаз пропоротые штыком дыры.

Опасаясь, что императрица захочет «поправить» меньший портрет, художник сделал сразу же его авторскую копию, которая уцелела до наших дней и, находясь в частном собрании, выставляется на международных и национальных выставках.

Этот небольшой портрет является шедевром Серова и отличается необыкновенной схожестью и лучшим изображением последнего Романа. Существуют суждения, что художник якобы польстил государю, но это неправда, так как Валентин Александрович был прежде всего мастером своего дела и очень искренним человеком.

Константин Коровин позднее напишет: «Серов первый из художников уловил и запечатлел на полотне мягкость, интеллигентность и вместе с тем слабость императора...»

P.S.

Портрет Николая II написан в 1900 году, в начале нового века и периода огромных надежд для России.

Но спустя пять лет Российская империя содрогнется от неожиданных событий, которые после 12-летнего цикла приведут ее к краху: в январе император послушает своего брата Николая Николаевича и отдаст приказ о расстреле мирной демонстрации (одной из причин этого события будет появление при дворе Григория Распутина), в мае этого же года после разгрома русской эскадры в Цусимском сражении, будет подписано унижительное соглашение с Японией, потом в 1914-ом начнется Первая мировая, неудачи в которой через три года подтолкнут страну к буржуазной революции*, отречению Николая II от престола и, наконец, после переворота приведут к трагической гибели всей его семьи в 1918-ом.

** первым указом временного правительства от февраля 1917 года с евреев будут сняты все ограничения по проживанию в России.*

Личность Распутина удивительно органично впишется в судьбу Николая II.

Русский малообразованный мужик, видящий и понимающий мелочность интриг приближенных министров и царского двора, в одночасье станет политиком. О нем написано много и, в том числе, немало откровенного вранья. Факты говорят о том, что Распутин стал жертвой зависти несостоятельных высокопоставленных особ, ненавидящих простой русский народ. Хотя в его поведении присутствовали элементы авантюризма и самонадеянности, Распутин всегда оставался настоящим христианином, не злобным, умеющим прощать, открытым для любого человека и беспокоящимся за судьбу России.

Николай II будет потрясен его убийством. Трагически царь воспримет и завещание Распутина, основные положения которого окажутся глубоко пророческими:

«...Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться... Если же меня убьют бояре и дворяне, твои родственники, то они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев, и будут убивать друг друга и не будет больше в стране дворянства... и ни один из твоей семьи не проживет дольше двух лет...»**

***Составлено Распутиным в середине 1916 года в присутствии адвоката Аронсона и передано на хранение митрополиту Питириму.*

Валентин Александрович Серов еще десятилетие будет покорять современников своими полотнами. Истинный искатель новых форм в живописи, мастер театральных образов, костюмов, композиций он будет увлеченным сподвижником Дягилева в реализации неожиданных по художественному мастерству русских спектаклей в Европе и до конца своих дней останется человеком хрустально-чистой души.

Художник скоропостижно скончается от сердечного приступа в 1911 году в расцвете творческих сил и будет похоронен в присутствии огромного числа сподвижников, друзей и многочисленных поклонников на кладбище Донского монастыря рядом с Николаем Васильевичем Гоголем.